

Софи Ренар

МАНДАРИНЫ, ИЛИ РОЛЕВЫЕ ИГРЫ ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ЗА...

БДСМ-рассказы

Софи Ренар
Мандарины, или
Ролевые игры для тех,
кому за... БДСМ-рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432702

ISBN 9785448532849

Аннотация

Вся наша жизнь – игра. (с) А секс – игра по своей сути, только ролевая. В книге собраны новеллы, раскрывающие, по замыслу автора, суть ролевых игр, в контексте БДСМ-отношений.

Содержание

Мандарины, или ролевые игры для тех, кому за...	6
Ипостась	13
С сотворения мира	14
Звездная пыль	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мандарины, или Ролевые игры для тех, кому за... БДСМ-рассказы

Софи Ренар

© Софи Ренар, 2017

ISBN 978-5-4485-3284-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Ты мне дал больше чем страсть, больше чем влюбленность, больше чем боль – ты мне дал Жизнь. Я смотрела раньше до тебя на мир, и не видела его. Вместо мира вокруг – глубокий колодец, засасывающий пустотой. Ты подошел, сказал: оглянись. И я оглянулась. Деревья, небо, трава, цветы- помнишь, ландыши? Дороже них – простых, лесных, уже увядающих – у меня цветов никогда не было. Я их долго потом хранила... Ты мне дал лучшую меня, бОльшую меня – меня-женщину. Я до тебя такого не чувствовала, так не хотела, не желала – занималась измышлизмами, сапио-секшуал – могла только думать, а не сходить с ума, могла только томиться, а не разрешать себе быть собой. Я

убеждена твердо, что человек, скрывающий от себя свою темную сторону обречен на глобальнейший жизненный катаклизм. Во мне эта темная сторона, как ни крути, блядство. Ты мне не то что открыл это – ты РАЗРЕШИЛ мне быть такой. Разрешил быть – собой, разрешил мою суть, то, чем я являюсь. И говоря: да, я твоя, да я ВАША шлюха – лгала я? Нет. Потому что это было правдой и останется правдой. Я могу быть только с тобой, другой – не позволит, другой – не поймет. Ты поймешь...

Мандарины, или ролевые игры для тех, кому за...

Мандарины закончились.

Я обошла 3, нет, 4 супермаркета – их нигде не было. Раньше лежали – ну так себе, не роскошными грудками, конечно, но лежали, и тут вдруг исчезли буквально за один день. Я подозревала семьи эмигрантов бывшего Союза.

Предновогоднее (всегда – новогоднее, не рождественское) время, мандарины – символ, раскупили, небось, еще грузовиками на подходе.

Приближался праздник. Он опрокидывал елку и подставку для зонтов в прихожей. Кот, бессловесно позволивший обернуть себя гирляндой, засовывал морду в пакеты, встречал его радостно потому как индейка; а я, ногой отодвигающая кота, другой ногой стряхивающая сапог, рукой набирающая номер, второй рукой поднимающая подставку, безуспешно пыталась дозвониться.

Разница 8 часов, пересадка в Лондоне на три часа, связи еще нет, значит, не успел пройти контроль, мандаринов уже нет.

Иногда мне казалось: все, что я умею, – это ждать. Немного готовить, немного говорить на трех языках, пишу лучше, немного – самую чуточку и иногда – обниматься.

Ждать приходилось по несколько дней вначале, по десять часов потом, но каждый день, по несколько месяцев спустя годы.

Я писала – все лучше – свет мой!

Свет мой, сегодня я освобожусь после 9.

Свет мой, пожалуйста, мне хочется в следующий раз – больно.

Свет мой, любовь моя, я готова.

И мы уезжали, улетали, прилетали обратно. Мы выросли и старели вместе, пока однажды, где-то в глубине комнаты, где за кроватью за нашими спинами, точнее за моей, я была тогда сверху, не оказалась зеркальная стена и я не разглядела смешную маленькую толстую женщину с (клянусь – увидела!) седеющими волосами.

И все прекратилось.

То есть, улетали-то прежнему. И прилетали тоже. И он работал, и я работала, и кот наш жирел и опрокидывал каждый год елку, просто я собой перестала быть, вот что.

Вся розово-кружевная (детская) и черная кожаная (взрослая) хрень была выброшена или похоронена на дне комода, я выключала свет, задерживала шторы, закрывала глаза – потому что боялась зареветь и сломаться, и все ему рассказать, я всегда и все ему рассказывала, а он только хорошел со временем как вино, не всякое, а такое – благородное, у него этого благородства было через край, и консервативности тоже, и он благородно и консервативно бы приложился к руке и сказал что-то лукавое, немного старомодное и очень насмешливое, потемневшей запыленной ничем не выдающейся винной бутылке – то есть мне...

Поэтому я молчала, а он задерживался все дольше, и как-то раз я отправила сообщение утром, начинающееся со слов: привет.

И свет мой пропал тоже.

— —

У меня оставалось примерно два часа до его приезда, та-

можня, сутолока, вызов такси, пробки, я должна была успеть найти мандарины.

Мороз дал пощечину, забрался под пальто, пошевелил там краем джемпера и утихомирился вроде – я даже не успела сделать несколько обязательных вдох-выдохов чтобы словить свой мазохистский кайф от холода. Надо было ехать на машине и это было подобно вызову Судьбе и неслабому такому потенциальному удару с ее стороны в случае провала – потому что права только ученические, но делать-то что-то было надо.

Скрипеть паркетом в ожидании было невыносимо, а романтично возлежать в ванне или подбирать наряды для флирта было ну совсем никак. Работа сдана в срок, книги кишели фразочками о любви, весь мир по плану сошел с ума по случаю двадцать пятого декабря, и все что мне оставалось – это уезжать самой.

– Все странствующие и путешествующие, – возвестила я меланхолично жующему гирлянду коту, пока отыскивала благополучно забытый брелок, – которым глубоко за 40, – спрятал он его что ли, – знают, что возвращаться – плохая примета. Вот ты, котик, знаешь?

Мандарины нашлись в польской лавочке на краю Торонто. Похоже, их сгружали самосвалом, так, чтобы на всякий случай, точно хватило.

Меня останавливала и отпускала полиция.

Ночь сменялась днем, и земля крутилась вокруг оси, поддерживаемая тремя здоровенными хоботами,

и текли реки, и выросли мы, и наши дети, становясь точной копией нас, двадцатилетних,

и машину заносило, и метель застилала глаза, и проходил дождь в четверг после свиста нагорного рака,

пока я не обнаружила себя подходящей к дому, осознающая, что коммуникатор – за дверью, а по наручным часам прошло не менее чем в два раза больший срок, чем был отведен.

– И где ты была вместе с машиной?

Я протянула ему мандарин – навстречу свету, вырвавшегося из-за тяжелой двери. Рукой в мокрой варежке я утыкалась куда-то вперед в теплое.

Мне хотелось только внутрь, туда, за дверь, где я отойду

от мороза и пронизывающего холода, где, может быть, смогу его обнять, может быть, я перестану быть маленькой девочкой в варежках и раскрасневшимся лицом, которой совсем не идут ее за-сорок лет, может, я просто забуду, как думала, что боюсь опоздать – к мужу, который совсем-совсем-совсем меня забыл.

И тогда он перенес меня за порог и начал раздевать за-стежку за молнией, и пуговицу за пряжкой. Своей.

– Пошли.

В гостиной уже горел камин, и задернуты были гардины, и я настолько привычно для себя оказалась перегнутой через подлокотник кресла его рукой, что даже не успела ни сказать, ни попросить прощения (это разные вещи), ни даже пообещать, что больше никогда-никогда! потому что черта с два, мне этого всегда на самом деле хотелось – до черноты синяков, и темноты полуобморока, и того застывающего воздухом в легких, мурашками на коже момента, когда он утыкается лбом в шею, притискивает к себе, входя, даже не проверив – мокрая ли, потому что мокрая – насквозь.

И все возвращается снова – с такой же ласковостью, от которой у меня встают дыбом даже незаметные волоски на теле, все такое же розовое, развратное, чистое, прекрасное, что-то про папочку, который любит свою малышку, и про то, что он не находил себе места, (и обоже-боже-боже, как же

это больно, когда исхлестанную кожу выщипывают и выкручивают), и про то, что я совсем отбилась от рук, и он совсем забыл что ему делать, — со мной, потому что меня он помнит постоянно.

— Ты же чувствуешь, как я тебя люблю?

— Ну да. Сложно не чувствовать. Крепость и сила... эээ... папочкиной любви в твоём возрасте внушает уважение.

И реки возвращались в свои русла, а слоны махали хоботами, кот катал по ковру мандарины, наступал новый год, а я наполнялась его вином, по мановению волшебной палочки феи — а может быть фея-хозяина польской лавочки на краю Торонто, — превращаясь из постаревшей темной и запыленной бутылки — в хрустальный тонкостенный звенящий бокал.

С каждым ударом. Часов.

Ипостась

Он называет меня малышкой, покупает розовые балетки, Бантики, леденцы, Презервативы со вкусом малины. Говорит: – хорошо, что носишь с собой паспорт. С твоим лицом малолетки

Ты даже ровесника можешь

Довести до тюрьмы и осины. Он замолкает и дышит в шею так, будто я его космос, Персональный спейс, индульгенция. «То что сделал податель сего – для государства благо». Создаются миры, и виной тому простой Логос: к

аждый вдох растекается в терцию, каждый выдох рождает вальгаллу

А потом ничего не надо, потому что сжигает похоть. Варвары в Рим приходят, грешники каются, Время течет еле-еле. И я, вжимаясь лицом в его пахнувший солнцем локоть, Думаю: только пожалуйста не догадайся, Кто я на самом деле.

С сотворения мира

Он молчал в понедельник, вторник, среду и воскресенье.

Она мялась перед бутиком косметики. Бежевый лак менялся на безумный синий, волосы перекрашивались в винный, брови загибались мерелин-монровски. Она отворачивалась от зеркал, боясь увидеть свои глаза.

Он пил чай: полкружки крепкой заварки, четверть горячей воды, четверть холодной, две ложки сахара. «Сделай еще полчайника и вылей в термос, зайка.»

Она размазывалась по клавиатуре розового ноута горячей химической смесью. Расклад Таро на сегодня, расклад Таро на завтра. Перемешать со стихами, которые останутся без комментариев, добавить капельку сообщений «я тебя ненавижу». Скажи это еще раз, зайка.

Он был занят. Он дежурил, возвращался с дежурств, спал на дежурствах, он не отвечал ей.

Она писала – как ты без смайликов и знаков препинания. Она хотела написать: дай мне согреть твои ледяные пальцы во рту, дай мне приготовить тебе еду, дай мне тебя обнять в конце концов.

– Детка, – смеялся в голове змей-искуситель, – будь осторожна. Будь осторожна, вы уже совсем на грани.

– Что я ему сделаю – девочка в розовых гольфах?

Но предсказания закрывались на ключ до поры до времени, она знала имена всех до нее и во время, правда жгла ее губы изнутри. Ехидные комментарии сыпались тузами из рукавов на пол, и бездарным шулером она скреблась в его запертую спину во время встреч.

В следующий четверг наручники лежали по-другому. Около кровати валялся змеиный язык. Он был равнодушен. Сказал – унеси свой зонт домой, глаза мозолит это розовое пятно.

Она молчала, потом рыдала, потом говорила – ничего. Почему ты плачешь? Ничего. Он умывал ее как щенка, отфыркивающегося от каждой пригоршни.

Слова стекали с ее лица из-под пальцев на клавиатуру. Любимый, – думала; писала – как ты можешь быть таким мудаком, объясни; любимый – изводила себя бессонницей и голодом, Любимый!

Он ждал ее в четверг, пятницу и субботу.

Ей снились сны про него в глухом сюртуке, оглянувшегося в проеме окна, на палубе отплывающего корабля, лежащего в высокой траве – с раскинутыми руками.

В зеркалах он подходил к ней со спины.

И глаза у них были одинаковые. Смеющиеся змеиные такие глаза.

Звездная пыль

– Прежде всего давай договоримся. Я ничего тебе не должна. Ты мне ничего не должен. Прошлого нет.

Пальцы проворно расстегивают пуговицы белого пальто. Я изменила своей любви к темной классике – так что белое кашемировое пальто, шарф нежно-бежевого оттенка и жемчуг. По-парижски небрежно, но небогемно. Важен акцент: я красивая женщина, узнавшая себе цену, но не обозначившая ее на бейджике. У меня вообще нет бейджика. У меня нет сегодня имени. Я собирательный образ – щепотка И., кусочек М., наивность Л., чайная ложка О. – я помню всех твоих выдуманных героинь. Но меня ты не помнишь.

– Что есть? – ты смотришь насмешливо и все-таки с восхищением. – Ты. Я. Несколько часов. Ирландский кофе, пожалуйста.

Я не волнуюсь. Сигарета, выкуренная перед входом. Кофе с ликером. Хорошо бы белое вино, но тогда мне будет трудно прочувствовать тебя до конца – не тебя. Мужчину напротив.

– Псевдоним уже придумала? – *Aujourd'hui je m'appelle Sophie.* – смеюсь я практически без акцента.

– *Tres bien.*

Я не делаю ни единого движения навстречу. Тебе надо привыкнуть. Так зритель, пришедший в театр, не сразу вникает в суть спектакля, напряженно листая программку.

Но мне кажется, что ты никогда не будешь зрителем – только режиссером. А на данный момент у нас слегка нервозный прогон, где мне надо выжать из себя все лучшее, на что я способна.

Я закрываю глаза. И, когда открываю, вижу перед собой абсолютно незнакомого человека. Изучаю его лицо; широкий открытый выпуклый лоб с морщиной – слишком много интеллекта. Прямой нос... хорошо. «Цезарский» типаж – делаю, что хочу. Ярко-выраженные носогубные складки – много переживает, рефлексит – и все внутри себя, все – во внутренней чуме, пару раз в жизни сжегшей все дотла. Тонкие губы – сдержанность внешняя.

Трудно. Ох, трудно. Развести тебя на эмоции – раз плюнуть. На эмоции, которые мне нужны. И которые ты с наслаждением подыграешь. С таким наслаждением, которому даже я смогу поверить. А вот хрен.

– Расскажи, что хочешь. Не надо, – я предостерегающе ставлю ладонь между мной и им, – не про дела. Про что хочешь.

Пока ты рассказываешь – разумеется, все-таки, про дела – я откидываюсь на спинку дивана, слегка потягиваясь. Грудь, подчеркнутая обтягивающей шелковой блузкой, соблазнительно вздымается, и мужчины за соседними столиками, пришедшие на ланч, немедленно отслеживают едва ли

не каждый мой удар сердца. Не то, чтобы это было тем, что мне нужно, но, оп, и ты заметил. Жестом собственника кладешь мне руку на колено, и я ловлю тепло твоей ладони, перехватываю его как передатчик и отправляю сразу в солнечное сплетение.

Там горячо.

Я дожидаясь паузы в твоём монологе – не хочу перебивать. Пододвигаюсь вплотную и естественным движением кладу голову тебе на плечо. Мои глаза слишком близко от твоих, и ты читаешь в них мысль, которую ждал с самого начала.

Целуешь. Я вздрагиваю, ты обхватываешь мое лицо ладонями, чтобы не отстранилась. Приоткрываю рот, ты углубляешь поцелуй – влажный, жаркий, развратный для белого дня посреди города.

Еще не достаточно развратный.

– У нас есть три-четыре часа. По этой же ветке вниз. Там отель.

Это отель моей любимой сети. Там по-европейски комфортно и даже уютно. Ничего лишнего. Сексодром, плазменный экран на стене, душ. Можно трахаться, можно заниматься любовью, а можно и спать в обнимку. Ты сам открываешь дверь в номер – это привилегия мужчины. Мы заходим, я

захлопываю дверь и изо всех сил уже сама прижимаюсь к тебе губами. Солнечное сплетение, накопившее жар за десять минут поездки в метро, плавится – и эта лава делает меня мокрой, обжигающей, невыносимой.

Прошлого нет. Будущего еще не придумали.

Я целую тебя так, словно не придумали еще и нас. Словно мы вернулись в космос – два единственных во всем мире человека, встретившиеся на дорожке из звездной пыли и прочитавшие мгновенно в глазах друг друга – любовь.

Я почти кусаю тебя, ты почти насилуешь мой рот языком – и останавливаемся. Теперь медленно. Нежно, исследуя. Привыкая. Естественно.

Есть контакт, ау?

Отрываюсь и начинаю снимать верхнюю одежду. Стаскиваю ботильоны, расстегиваю сумку и вынимаю упаковку с девайсами. Флогер, сделанный на заказ. Кнутик – по силе как однохвость, но боль острее. Тяжелый паддл. Несколько тонких розог. Ну зажимы как полагается, конечно.

– Выбирай.

Ты проводишь рукой по каждому девайсу. Останавливаешься на паддле. Вот уж действительно, падла так падла. Ме-

ня слегка передергивает – но это то, что я ожидала.

Мы встречаемся глазами – и я механически опускаюсь на колени.

Оно больно.

Неудобно.

Так, как надо.

Подползаю к тебе, прогнув спину. Ты ждешь.

Я трусь щекой о твою ногу, по-прежнему на коленях. И по-прежнему не отрывая от тебя взгляда.

Ты приподнимаешь мой подбородок и – изо всех сил, вопсылы, да какая разница, если мне кажется, что изо всех – отвешиваешь пощечину. По левой щеке.

Я подставляю правую.

На этот раз, кажется, ты разбиваешь мне губу.

– Не смотри на меня. Ну?

Опускаю голову. Лицо саднит.

– Вставай, снимай юбку, расстегивай блузку. Блузку оставь на плечах.

Юбка сползает по ногам. Я оборачиваюсь вокруг оси. Прозрачное белье. Винтажные чулки. Мой фетиш.

А какой фетиш у тебя?

Ты слегка хлопаешь по своему колену. Я подхожу и ложусь поперек твоих колен. Мою правую руку ты сразу фиксируешь – и я благодарна тебе до слез за эту заботу. Шлепки неравномерны, ты не стараешься меня подвести к порогу, за которым спейс – нет, сразу же начиная шлепать без разогрева. Я благодарна тебе и за это. Потому что никогда не была мазохисткой. Фетишизм на порку не в счет.

Останавливаешься, когда я уже извиваюсь от возбуждения и вскрикиваю.

Я все понимаю.

Сползаю с твоих коленей вниз и расстегиваю на тебе ширинку.

НКСС в действии.

Член полувозбужден – я не задействую руки. Дотрагиваюсь языком до головки и обвожу ее по окружности – с несильным давлением. Сверху вниз – до основания. Снизу вверх. Облизнуть, сглотнуть губами, принять до горла, так чтобы член прошел по нёбу, выпустить. Снова приняться за головку, снова осторожно всосать губами – и до самого конца. Провались со мной в эту пропасть – мое горло – это глубокое ущелье. И лететь туда ой как приятно.

Я действую настолько умело, что ты начинаешь управлять мной только спустя минут 10, не раньше.

Но не кончаешь.

Я все понимаю.

Поднимаюсь, укладываю подушки горкой, ложусь на них животом. На мне стринги – их можно не снимать, но ты отодвигаешь в сторону ткань и проводишь пальцем по половым губам. Вдох пронизывает грудь, превращаясь в такой звук, что ты сам вздрагиваешь. Нега, удовольствие, желание – в этом вздохе-выдохе-стоне-крике есть все.

Взвешиваешь пэддл в ладони и сразу же впечатываешь его в правую ягодицу. В левую. В правую. В левую. Следы от краев пэддла перекрещиваются. Я физически чувствую, как на коже расцветают синяки.

– Еще раз возьмешь в рот без разрешения – две недели сидеть не сможешь, поняла?

Я утвердительно вою в ответ. Утыкаюсь лицом в кусок одеяла, вцепляюсь зубами. Не кричать. Не кричать. Не ребенок – могу и выдерживала больше.

После 40-ка ты останавливаешься.

– Хотя мне понравилось. Маленькая-маленькая шлюшка с большими возможностями.

Теперь можно.

Садись снова на кровать. Я стою над твоим членом на четвереньках. Смотри лучше на мою исполосованную задницу, чем на потолок – она, право, интереснее. Ты гладишь меня по спине, по горячей попе, по ногам, пока я продолжаю тебе отсасывать, одной рукой гладя очень ласково мошонку и яички, другой держа основание. Сильнее, сильнее, дальше – пока ты вцепившись в мои волосы не кончаешь в горло, а я не чувствую как сама начала течь.

Оргазм – не цель. Сокращение мышц, простая физиология. Звездная пыль берется вовсе не из звезд из глаз.

Вытираешь руки салфеткой, застегиваешься и снимаешь с меня рубашку. Улыбаешься, оценив полностью белье. Расстегиваешь лифчик, освобождая грудь – налитую уже женскую, не девичью, но упругую, тяжелую грудь.

Накрываешь ладонями, как чашами.

Соски скользят между твоих пальцев, Ты зажимаешь их, снова разжимаешь, я кусаю губы, едва сдерживаясь. Ты посасываешь мою грудь, то ласково, то ощутимо-болезненно. Я не мешаю тебе – наслаждайся. Зажимы все же не забыты. ты цепляешь их на меня – и тянешь к себе за цепочку. За-

жимаю ладонью рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.